

Булатов А.О. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 1990. 266 с.

В отечественном этнографическом религиоведении заметное место занимают исследования конкретных форм бытования ислама среди мусульманских народов нашей страны. При этом в силу сложившейся традиции больше внимание уделялось изучению верований и обрядов, восходящих к домусульманской эпохе. К этому направлению принадлежит и рецензируемая работа молодого дагестанского исследователя А.О. Булатова.

Дагестан – это страна пестрого этнического и культурного многообразия, представляющая собой в то же время несомненное историко-этнографическое единство. На сравнительно небольшой территории здесь мирно соседствовали разные этносы, а долгая жизнь в горах создавала условия для устойчивого сохранения в рамках утверждавшегося с VII–VIII вв. ислама архаических, домонотеистических по своей сути, верований и обрядов. Они переосмыслились согласно положениям новой религиозной идеологии, теряли первоначальный смысл и обретали новый. Неисчерпаемое богатство этого материала подтверждает длинный список опубликованных в течение последних двух десятилетий работ, посвященных данной теме, в том числе книг видных дагестанских исследователей А.Г. Булатовой¹ и Г.А. Гаджиева², а также сборников «Мифология народов Дагестана» (Махачкала, 1984), «Проблемы мифологии и верований народов Дагестана» (Махачкала, 1988) и др.

Работа А.О. Булатова занимает достойное место в ряду указанных публикаций. При этом она, будучи региональным изданием, к тому же вышедшая малым тиражом (500 экз.), осталась, к сожалению, неизвестной многим специалистам. Книга отсутствует даже в фондах Российской государственной и Государственной публичной исторической библиотек. Данная рецензия призвана привлечь внимание исследователей к этой интересной работе, автор которой, опираясь на опубликованный материал и результаты собственных полевых исследований, рассматривает комплекс архаических религиозных воззрений народов Дагестана, предшествовавших позднему монотеистическим системам.

Рецензируемая книга состоит из четырех глав. В первой главе исследуются пережитки тотемизма, культа предков, культа плодородия, магии. Справедливо критикуя мнение о том, что народы Дагестана не знали тотемизма, А.О. Булатов отмечает, что сейчас можно говорить лишь о глухих отголосках тотемистических верований, но археологический и этнографический материал свидетельствуют о бытовании тотемизма на территории Дагестана в далекой древности. Так, в действиях ряженных автор обнаружил элементы, связанные, видимо, с архаическими представлениями об умирающем и воскресающем звере.

Большой интерес вызывает поверье о ночи предопределения, когда якобы раскрываются небеса и сбываются все высказанные пожелания. Подобные представления отмечены у многих европейских, кавказских и переднеазиатских народов. У осетин эта ночь связана с зимней новогодней обрядностью³. Примечательно, что ночь предопределения дагестанцев не совпадает по времени с официальной мусульманской ночью предопределения «лейлят-уль-кадр». У народов Дагестана она бывает в начале весны и тоже, скорее всего, связана с циклом новогодних праздников. Любопытно, что мусульмане Египта почитали две ночи предопределения: официальную, приходящуюся на 27 рамадана и неофициальную, отмечаемую 15 шаабана⁴. Видимо, исламская «ночь предопределения» также имеет истоки в древней арабской новогодней обрядности.

В книге подробно рассмотрены также реликты культа умерших и культа предков. Справедливо указывая, что вечер с четверга на пятницу занял свое место в поминальной обрядности дагестанцев благодаря исламу, А.О. Булатов на основании лакского материала высказал предположение, что ранее днем поминовения усопших была, скорее всего, среда. Он обращает внимание также на представления о связи умерших с дождем, небесной влагой. Добавим лишь, что ареал их распространения гораздо шире, чем указывает автор – это не только весь Кавказ, но и Балканы, восточнославянские земли, Поволжье, Средняя Азия.

Вторая глава посвящена рассмотрению остатков былого почитания домонотеистических божеств. Рассматривая кумыкский обряд вызывания дождя, А.О. Булатов сопоставляет кумыкское божество Земире с ногайским Емире. По справедливому замечанию автора, «их сближает не только название, но и направленность на активизацию природных процессов» (с. 103). Однако Емире не имеет никакого отношения к дождю, и в ногайском обряде вызывания дождя фигурирует совершенно иное божество – Андир-шопаи. Кумыкская Земире – божество женское, как, впрочем, и другие божества, упоминаемые в обрядах вызывания дождя (например, Додола, Суткатын и т.д.). Емире же имеет четко выраженные черты мужского начала – его представляют в виде раскаленного докрасна куска железа. Учитывая это, нельзя исключить и возможность простого созвучия названий двух божеств.

Рассматривая божества, олицетворяющие благополучие дома и семьи, автор указывает, что в веро-

ваниях народов Дагестана они зачастую предстают в зооморфном виде, что несомненно свидетельствует об их древних корнях. Вполне естественно, что божества – покровители семьи – связываются обычно с центральным столбом в доме, бывшим зримым символом крепости семьи и ее благополучия.

Детально проанализирован персонаж, известный у разных народов Дагестана под именем «сухасулу», «аццалов», «рухбав», «бастырыкь». А.О. Булатов, отмечая его сложный характер, считает, что он восходит к некоему божеству, представляющему собой «переходный этап между локальными божествами природы и домашними божествами-покровителями», своего рода «преддомовому» (с. 146). Предположение, заслуживающее внимания, тем более что автор его серьезно аргументирует. Однако тут возможен и иной подход. Проникающий с VII в. в духовную жизнь дагестанцев ислам вряд ли оставил нам в чистом виде столь неустойчивый, переходный образ формирующегося божества. Скорее всего, «сухасулу» соединил в себе черты различных анимистических персонажей, от демонов, подобных европейскому Маре, до домового, о чем свидетельствует его полифункциональность.

Подробно и последовательно рассмотрен и проанализирован интересный персонаж демонологии многих кавказских, тюркских и иранских народов – *албасты* («ал», «аллаб» и т.д.). А.О. Булатов считает, что образ «ал» уходит корнями в эпоху родового строя и содержит в себе черты, относящиеся к различным его этапам. По мнению автора, у народов Южного Дагестана «он сформировался в результате интеграции в древнейшие местные языческие верования древнеиранского, дорозастрийского компонента» (с. 154). Добавлю, что в литературе высказывались и другие точки зрения.

Наибольший интерес вызывает третья глава, посвященная исследованию реликтов шаманства. Проблема бытования в прошлом шаманства среди кавказских народов затрагивалась лишь в нескольких работах отечественных исследователей⁵ и далека еще от полной научной разработки. Дагестанский же материал в этом плане не анализировался вовсе. А.О. Булатов, основываясь на собственных полевых исследованиях, впервые обратился к рассмотрению проблемы шаманства в Дагестане.

Начав с обзора теоретической разработки проблем шаманизма в отечественной науке, А.О. Булатов переходит к рассмотрению конкретных этнографических явлений, определяемых им как реликты шаманизма. Он подробно описывает народные представления о духах-джиннах (*жиндри*), с которыми некоторые люди якобы могут устанавливать связи. Этих людей автор делит на две категории: тех, кто общался с джиннами через посредника (обычно им бывал голубоглазый ребенок 7–12 лет), и тех, кто непосредственно вступал в общение с духами. Соответственно и процедура вступления в связь с потусторонним миром была двух видов. Первый из них полностью совпадает с описанным еще в прошлом веке египетским магическим ритуалом «дарб аль-мандель»⁶ и, видимо, восходит к мусульманской книжной традиции. Об этом свидетельствует то, что «собирать» джиннов в данном случае могли только алимы (мусульманские ученые) с помощью мусульманских молитв и надписей.

Второй же вид, наоборот, обнаруживает большую связь с простонародной традицией и несет ярко выраженные шаманские черты, в частности, элементы избрничества, вступления в экстаз, а также следственной преемственности. В связь с духами тут вступают уже не алимы, а простые люди, среди которых преобладают женщины. Простота и аскетизм шаманских действий у народов Дагестана справедливо объясняются А.О. Булатовым влиянием ислама, который отбросил их «эффектную внешнюю сторону, как не соответствующую аскетическим формам исламских культов» (с. 205).

Новизна поставленной проблемы отличает и четвертую главу книги, посвященную культу святых в Дагестане. Как отмечает автор, культ святых в плане сохранения в нем реликтов древнейших доисламских верований на дагестанском материале почти не исследовался (с. 210). А.О. Булатов условно разделил весь материал на три группы, которые, по его убеждению, отражают три стадии сложения культа святых в Дагестане: 1) локальные и региональные культовые центры, архаичные покровители животных; 2) отражение шаманства в культе святых; 3) культ реально живших святых.

В почитании дагестанских святых А.О. Булатов выявил пережитки древнейших религиозных воззрений, при этом основными он считает реликты пласта архаичных верований, связанных с идеей продуцирования. В культе святых им также вскрыты пережитки культа предков и шаманства.

Некоторые частные выводы автора недостаточно убедительны. На наш взгляд, не все, о чем пишет А.О. Булатов в соответствующем разделе, связано с тотемизмом. Так, использование бараньих глаз для излечения слеза, видимо, представляет собой простой магический акт. По всей видимости, не имеют отношения к тотемизму и гадания по отдельным частям животного. Описанное на с. 40 наступление беременной от залетевшей в ноздрю мухи тоже представляется более связанным с анимистическими верованиями, изображавшими душу человека в виде мухи или иного крылатого существа. Первоначальный смысл смазывания каменных изваяний жиром автор почему-то видит в заботе об их сохранении. Скорее всего, эти действия связывались с идеей «кормления» божков, тем более, что подобное жертвоприношение известно и другим народам.

Спорен вывод автора о том, что враждебность демона «ал» по отношению к роженице объясняется тем, что она когда-то была патронессой экзогамного социума, в котором жена считалась «чужой», а рожденный ею ребенок «своим» (с. 152). В таком случае мы должны будем признать изначальную враждебность «ал»

роженнице, что, скорее всего, неверно. В отечественной религиоведческой литературе убедительно показано, что албасты изначально покровительствовала родам и роженицам⁷.

Интересна проблема взаимоотношений албасты с водной стихией. Анализируя дагестанский материал, А.О. Булатов приходит к выводу, что «воду нельзя считать для нее родной и благоприятной стихией, скорее, наоборот» (с. 151). Но, во-первых, Г.А. Гаджиев на основе того же материала находит, что дух этот не только не боится воды, но даже селится около нее. Отсюда им делается вывод о том, что албасты некогда являлась покровительницей плодородия, ибо «вода – главное условие плодородия»⁸. Во-вторых, видимо, первоначально албасты была не только божеством, олицетворяющим плодородие и дающим жизнь, но и божеством, отнимающим ее. Этнографические материалы дают нам основание считать ее проводником в иной мир. Почти у всех народов албасты приносит к реке (арыку и т.д.) лечь или иные жизненно важные органы человека и погружает их в воду, в результате чего наступает смерть. Здесь ясно отражено древнее представление о реке как о границе двух миров, что отмечено автором (с. 151–152). Выплавившаяся внутренности в воде, албасты выпускает в воду кровь жертвы, а кровь в архаических представлениях олицетворяет собой душу. Поэтому А.О. Булатов, быть может, отчасти прав, не признавая воду родной стихией албасты, но и совершенно чуждой ей она не является, и у албасты нет поводов бояться этой стихии.

Высказанные замечания не умаляют несомненных достоинств книги. Она написана хорошим языком, формулировки автора ясные, выводы обоснованные. Работа написана на основе нового, богатого и добротного материала, собранного А.О. Булатовым в ходе целенаправленных полевых изысканий. Сам этот труд в условиях горной страны и нестрога этнического многообразия требует большой затраты сил и хорошей профессиональной подготовки исследователя.

Отрадно отметить, что в некоторых отношениях к книге А.О. Булатова можно смело и заслуженно употребить слово «впервые». Прежде всего она является первым обобщающим исследованием пережитков домонотеистических верований народов Дагестана в целом. Во-вторых, здесь впервые на дагестанском материале выявлены реликты шаманства и древние пласты культа святых. Хочется надеяться, что эта работа, несмотря на ее труднодоступность, будет использована и по достоинству оценена специалистами.

Примечания

¹ Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX в. Л., 1988 и др.

² Гаджиев Г.А. Верования и обряды: доисламский период. Махачкала, 1993 и др.

³ Чибиров Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976. С. 70.

⁴ Лэйи Э.У. Нравы и обычай египтян в первой половине XIX в. М., 1982. С. 367, 373.

⁵ Жардецкая Н. Народная медицина и лечебная магия у черкесов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. М., 1940; Басилов В.Н. Пережитки колдовства у ингушей // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М., 1971; Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев: краткий очерк. Нальчик, 1991. С. 90–95.

⁶ Лэйи Э.У. Указ. раб. С. 227–235.

⁷ Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 32; Басилов В.Н. Албасты // Историко-этнографические исследования по фольклору. М., 1994. С. 51.

⁸ Гаджиев Г.А. Верования и обряды: доисламский период. Махачкала, 1993. С. 25, 27.

А.А. Ярлыкапов

© 1997 г., ЭО, № 3

Экология этнических культур Сибири накануне XXI века. СПб., 1995. 224 с.*

Слова «экология этнических культур», вынесенные в заглавие рецензируемой книги, глубоко символичны, поскольку они как нельзя лучше передают значение термина «экология» («охрана», «сохранение», «сбережение») и выражают позицию, занимаемую авторским коллективом книги по отношению к проблемам традиционной духовной и материальной культуры сибирских народов XIX – XX вв.

Издание определено его авторами – группой научных сотрудников Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, признанными авторитетами в области сибирской этнографии – как сборник статей, в которых рассматриваются этнические традиции сибирских аборигенов в процессе их адаптации к суровым природным условиям Сибири и Крайнего Севера. На самом же деле, принимая во внимание объем и характер проанализированной информации, использованные при этом материалы и пространственно-временной охват громадных территорий, книга гораздо больше напоминает коллективную

*Рецензия подготовлена в рамках поддерживаемого РФНФ проекта № 96–01–00351.